

Оценка когнитивных искажений в сфере сексуальности у лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних

Серов А.Д.,

аспирант кафедры юридической психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, serov-up@narod.ru

Дается определение понятию «когнитивные искажения в сфере сексуальности», раскрывается актуальность изучения этих искажений в контексте половых преступлений против несовершеннолетних. Приводится краткий литературный обзор исследований по данной тематике. Описывается эмпирическое исследование, целью которого было изучение группы лиц, совершивших сексуальные преступления против несовершеннолетних: насколько однородной является выборка с точки зрения выраженности искажений. Группа была разделена на две подгруппы: лица, которым была диагностирована педофилия, и лица без педофилии. В группу нормы также вошли лица, никогда не привлекавшиеся к уголовной ответственности. Для оценки когнитивных искажений в сфере сексуальности была использована методика SONAR (The Sex Offender Need Assessment Rating – шкала оценки потребностей сексуальных правонарушителей). Полученные результаты подтверждают значимость фактора когнитивных искажений в сфере сексуальности при оценке рисков совершения сексуальных преступлений, а также при дифференциальной диагностике педофилии.

Ключевые слова: когнитивные искажения, личность сексуального правонарушителя, педофилия, сексуальные девиации, сексуальные преступления.

Для цитаты:

Серов А.Д. Оценка когнитивных искажений в сфере сексуальности у лиц, совершивших половые преступления против несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Serov.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Serov A.D. Evaluation of cognitive sexual distortions in persons who have committed sex crimes against minors [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, no. 3. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Serov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Фактор когнитивных искажений в восприятии образа жертвы рядом авторов определяется как один из важнейших в формировании делинквентного сексуального поведения [6; 7; 10; 12; 14].

В широком смысле под когнитивными искажениями обычно понимаются систематические ошибки в мышлении, возникающие на основе дисфункциональных убеждений, внедренных в когнитивные схемы. Искажения не позволяют объективно оценивать условия окружающей реальности, так как на первый план выходит «субъективная социальная реальность» [1]. В контексте криминальной сексологии эта субъективная социальная реальность не трансформируется, а наполняется смыслами, непосредственно связанными с мотивацией преступников и особенностями совершаемых действий.

Существует несколько подходов к классификации когнитивных искажений у сексуальных преступников. Так, W.D. Murphy выделяет следующие искажения, определяющие делинквентное поведение растлителей несовершеннолетних: отрицание, минимизация, оправдание и рационализация своего поведения [17].

Схожую по своей сути классификацию предлагают К.А. Lonsway и L.F. Fitzgerald, описывая искажения, свойственные насильникам. В данной типологии ошибки мышления разделены на три основные категории: 1) оправдание предосудительного поведения (моральное и психологическое); 2) неадекватная оценка последствий своих действий (минимизация, игнорирование и фактическое непонимание последствий); 3) приписывание вины жертве и обезличивание жертвы [16].

Когнитивные искажения проявляются через ряд установок, на которые преступники опираются, принимая решения о совершении противоправных действий, а также оправдывая свое поведение в дальнейшем. Данные установки снимают с них ответственность за совершенное деяние, частично или полностью перекалдывая ее на жертву, нередко также приписывая ей инициативу вступления в сексуальный контакт [12].

Среди когнитивных искажений встречаются также искажения, оправдывающие сексуальные действия как полезные для ребенка, например, в образовательных целях, чтобы обучить его сексуальным практикам («это будет полезно для ребенка в дальнейшем»). В некоторых случаях предполагается также, что через сексуальный контакт растлитель может продемонстрировать ребенку свою любовь и привязанность.

Другого рода когнитивные искажения связаны с неадекватной оценкой собственных сексуальных прав. По мнению преступника, возникающие у него сексуальные потребности по определению должны быть удовлетворены, так как ему значительно труднее и болезненнее самому сдерживать свои сексуальные желания, нежели женщине или ребенку удовлетворить их [13].

Перечисленные выше когнитивные искажения в той или иной степени используются на каждом этапе «пути», который проходит преступник, реализуя сексуальные действия с несовершеннолетними. D. Finklehor (1984) в рамках модели четырех предпосылок описал следующие предварительные условия, необходимые для осуществления сексуального преступления против детей.

1. *Мотивация.* Преступник должен обладать некоторой мотивацией к совершению противоправных действий, включающей в себя три компонента: 1) эмоциональная идентификация с ребенком; 2) сексуальное возбуждение по отношению к детям; 3) отсутствие возможности реализовать сексуальную потребность с взрослым человеком.

2. *Преодоление внутренних барьеров.* По мнению D. Finklehor, практически у всех взрослых людей имеются табу на сексуальные действия с детьми. Даже если имеется мотивация к совершению преступных действий, внутренние запреты не позволяют совершить их. Преодолевая табу, преступник как бы открывает засовы, сдерживающие мотивационные потребности из первого пункта.

Если первые две предпосылки можно отнести к исключительно внутренним явлениям, то предпосылки 3 и 4 рассматривают также среду вокруг преступника и ребенка.

3. *Преодоление внешних барьеров.* На этом этапе преступник преодолевает внешние препятствия и запреты. Среди них можно выделить общественную оценку противоправных действий (со стороны семьи, соседей, коллег) и юридические санкции, а также степень надзора, получаемого ребенком. Внешние барьеры легко преодолеваются в том случае, если потенциальный преступник остается один на один с ребенком.

4. *Преодоление сопротивления жертвы.* Последним этапом является преодоление сопротивления сексуальному насилию со стороны ребенка, где под сопротивлением не обязательно понимаются непосредственно активные действия ребенка. Часто преступники

инстинктивно выбирают себе в жертвы тех детей, которые даже не осознают, что над ними совершается сексуальное насилие. В других случаях жертвами становятся дети, которых можно запугать, заставив тем самым сохранить произошедшее в тайне [13].

Существует несколько подходов, объясняющих генез когнитивных искажений в сексуальной сфере. Ряд авторов сходятся во мнении, что формирование ошибок мышления часто происходит в детском возрасте, являясь результатом психологической травмы, связанной с сексуальным насилием. Причем формированию искажений может способствовать не только получение травматического опыта жертвы, но и участие в совершении насильственных действий сексуального характера над другими людьми, а также наблюдение за насилием [12].

В некоторых случаях когнитивные искажения могут быть связаны с расстройствами интеллекта, однако в последнее время все чаще внимание обращается на социокультурную природу их возникновения [10], которая включает в себя деструктивные мифы и стереотипы, преобладающие в обществе, а также общий уровень сексуальной культуры. По мнению J.M. Hockett, индивидуальные негативные установки, в том числе сексуальные, всегда являются частным случаем существующей в обществе системы социальной иерархии, где одни люди доминируют над другими [15], а M. Amir предположил, что девиантное сексуальное поведение напрямую отражает культурные нормы и социальные стереотипы не столько общества в целом, сколько субгруппы, к которой принадлежит индивид [8].

В контексте социокультурного подхода, помимо классификации когнитивных искажений по смыслу, необходимо эти искажения разделить на две группы по типу жертвы: направленные против женщин и направленные против несовершеннолетних.

Когда речь идет об установках по отношению к женщинам, важно понимать, что мужские и женские сексуальные сценарии зачастую отличаются друг от друга. Мужская сексуальность всегда ассоциировалась с экспансивным, захватническим, иногда даже агрессивным поведением [9]. На протяжении истории отношение к гендерным ролям видоизменялось, и с конца XIX в. преобладает тенденция к сглаживанию резких различий в поведении мужчин и женщин [11], однако и на сегодняшний день стереотипы, фиксирующие за мужчиной образ «завоевателя», имеют широкое распространение, особенно в странах, где популярны консервативно-патриархальные взгляды [5]. В подобных культурах, где женщине во многом отказано в собственной сексуальности, не предусмотрено инструментов, позволяющих мужчине отличить игровое сопротивление от реального нежелания женщины вступить в сексуальную связь. Невозможность выделить критерии, исходя из которых сопротивление женщины может быть понято как истинное или игровое, часто приводит к порицанию жертвы сексуального насилия со стороны общества и оправданию действий насильника. Через подобные стереотипы общество навязывает женщине роль жертвы, а из мужчины формирует потенциального насильника. Культ агрессивного, доминантного, подавляющего мужчины, опирающегося при решении проблем в первую очередь на силу, – платформа для формирования любого, в том числе сексуального, насилия [3; 5].

Принципиально другое отношение сформировалось в современной культуре, вне зависимости от доминирующих в ней идеологических взглядов, к установкам, снимающим ответственность с правонарушителя за сексуальные действия с детьми: оценка действий растлителей несовершеннолетних значительно более строгая и непримиримая [9].

Существует ряд ошибочных представлений о сексуальном насилии в отношении детей, но эти представления не оправдывают поведение преступника, а мифологизируют процесс соблазнения. Среди подобных мифов – представление о том, что большинство преступлений совершают посторонние, не знакомые жертве люди [4], что сексуальные покушения на детей совершаются преимущественно в бедной и необразованной среде, что все совершившие преступления мужчины – педофилы и т. д. [5]

Мифы сложились и вокруг образа самого сексуального преступника: мужчины, вступающие в сексуальные отношения с детьми, представляются педофилами, психически больными людьми, социально неустроенными, не имеющими собственной семьи, т. е. происходит маргинализация образа растлителя. Однако нередко бывает ровно наоборот. К. Swann описывает наиболее типичного растлителя следующим образом: «женатый, с детьми, и за рулем дорогого автомобиля» [12, с. 229].

Результаты исследований, оценивающих наличие когнитивных искажений у различных групп сексуальных преступников (насильников и растлителей), свидетельствует о том, что не существует принципиальных различий в отношении к установкам, перекладывающим ответственность за совершенное насилие на женщину. Однако подобные установки, касающиеся детей, были обнаружены только в группе растлителей [7; 18].

Среди задач, которые мы поставили перед собой в проведенном нами исследовании, была задача оценить, насколько группа растлителей несовершеннолетних однородна юридически, клинически и социально с точки зрения отношения к когнитивным искажениям в сфере сексуальности.

Одним из инструментов, позволяющих оценить степень выраженности когнитивных искажений в сфере сексуальности, является методика SONAR (The Sex Offender Need Assessment Rating – шкала оценки потребностей сексуальных правонарушителей) [14]. Нами был использован блок данной шкалы, оценивающий искажения, связанные с интерпретацией поведения потенциальных жертв сексуального насилия: женщин и детей. Испытуемому предлагается оценить степень собственного согласия с высказываниями: в первой части – приписываемыми женщинам желание быть изнасилованными, во второй – приписываемыми детям желание вступать в сексуальный контакт с взрослыми. При этом в высказываниях обеих частей ответственность за совершенное действие перекладывается с мужчины на жертву. По результатам методики определяется уровень включенности в когнитивную сферу данных установок: высокий, средний или низкий.

В исследовании мы использовали также блок «Сексуальная саморегуляция», состоящий из двух частей. Первая из них содержит ряд высказываний, позволяющих определить, насколько адекватно испытуемый оценивает сексуальные права мужчины: как общие, так и непосредственно его личные. Также оценивается степень контроля над сексуальными желаниями.

Вторая часть блока оценивает степень вовлеченности испытуемого в сексуальные переживания, в том числе ненормативные.

Методика SONAR была проведена на 90 испытуемых. В экспериментальную группу вошли 70 мужчин, совершивших сексуальные преступления против несовершеннолетних. Все они были направлены на комплексную судебную сексолого-психиатрическую экспертизу в Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Группа была разделена на две подгруппы: лица, которым была диагностирована педофилия ($n = 44$), и лица, признанные сексологами здоровыми ($n = 26$). Контрольная группа состояла из 20 человек, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности. Экспериментальная группа также разделялась на подгруппы по образовательному признаку, по наличию или отсутствию постоянного сексуального партнера, по количеству жертв и их полу, а также по уголовной статье, вменяемой преступнику.

Таблица

**Когнитивные искажения у лиц, совершивших сексуальные преступления против
несовершеннолетних. Критерий Манна-Уитни**

Когнитивные искажения в сфере сексуальности	Лица, совершившие сексуальные преступления против несовершеннолетних. Диагностирована педофилия. N = 44	Лица, совершившие сексуальные преступления против несовершеннолетних. Педофилия не диагностирована. N = 26	Лица, не совершавшие преступлений (группа нормы). N = 20
По отношению к женщинам	4,92	4,33	4,95
По отношению к несовершеннолетним	3,63 a, b	2 a	1,9 b
Преувеличение сексуальных прав	3,7	2,83	3,55
Вовлеченность в сексуальные переживания	5,48 a	2,45 a, c	5,5 c

Примечание. N – число испытуемых в группе; a – различия между группами растлителей с диагностированной педофилией и без педофилии; b – различия между группой нормы и преступниками с педофилией; c – различия между группой нормы и преступниками без педофилии. Статистические различия – на уровне значимости $p < 0,01$.

Как видно из представленных в таблице данных, различия в выраженности когнитивных искажений в сфере сексуальности в первую очередь проявляются в блоке высказываний, касающихся приписывания детям инициативы вступления в сексуальный контакт со взрослым, а также минимизации ответственности растлителя за совершенные действия. Наиболее высокая степень согласия с подобными высказываниями была обнаружена в группе преступников с диагностированной педофилией. Достоверные статистические различия были получены при сравнении группы педофилов как с группой растлителей без педофилии ($p < 0,01$), так и с группой нормы ($p < 0,01$).

Полученные результаты позволяют нам рассматривать выраженность когнитивных искажений, приписывающих детям желание вступить в половой контакт со взрослым, как фактор риска, включенный в общий комплекс факторов, способствующих совершению сексуальных действий с несовершеннолетними, а методику SONAR использовать как один из инструментов в дифференциальной диагностике педофилии.

Достоверные различия в выраженности подобных когнитивных искажений также были обнаружены при разделении группы преступников на подгруппы по количеству жертв ($p < 0,05$). Данные результаты могут быть объяснены тем, что единожды совершенное растлителем преступление закрепляет уже имеющиеся ошибки мышления и побуждает его нарушить общественное табу еще раз.

Различий в выраженности когнитивных искажений, связанных с приписыванием женщине желания быть изнасилованной и минимизацией ответственности, напротив, не обнаруживается. Испытуемые всех групп демонстрируют уровень согласия с высказываниями выше среднего, что подтверждает проводимые ранее исследования [7]. Статистические различия не были выявлены при разделении группы преступников, исходя

из вменяемой им уголовной статьи, а также при сопоставлении обобщенной группы преступников и группы нормы. Не оказывает влияния на выраженность подобных искажений и образовательный уровень испытуемых. Небольшая разница по некоторым высказываниям, но не по общим показателям, обнаруживается, если растлителей разделить на группы по признаку проживания с постоянным сексуальным партнером, супругом ($p < 0,05$). Лицам, проживающим с постоянным партнером, в меньшей степени свойственно интерпретировать отказ женщины вступать в сексуальную связь как игровой, что, вероятно, объясняется наличием опыта неформальной, эмоционально насыщенной коммуникации с лицами женского пола (в выборке не были представлены лица, проживающие с партнером своего пола).

Различий между группами не выявлено также при сопоставлении показателей блока «Сексуальная саморегуляция» в той его части, где речь идет об оценке сексуальных прав мужчин и степени сексуального контроля над сексуальными желаниями.

Описанные выше результаты подтверждают распространенность стереотипов, приписывающих женщине желание быть изнасилованной и снижающих степень ответственности за насилие мужчины. Следствием подобных стереотипов становятся установки, закрепляющие за мужчиной право доминировать в сексуальной сфере и даже быть агрессором, а мужское влечение понимается как требующее удовлетворения в первую очередь. По мнению ряда авторов, в плане долгосрочной профилактики одним из способов снижения гендерной агрессии в обществе могли бы стать просветительские программы по данной проблематике, интегрируемые в структуру образования, а также распространяемые через СМИ [2; 5].

Показатели вовлеченности в сексуальные переживания в трех группах свидетельствуют, что растлители без педофилии в чуть меньшей степени склонны приписывать мужчине доминантную роль. Эта тенденция соотносится с результатами, полученными при интерпретации данных второй части блока «Сексуальная саморегуляция», где были обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,01$) между растлителями без сексологического диагноза и группами педофилов и нормы. В частности, растлители без диагностированной педофилии реже, чем представители двух других групп, обсуждают с окружающими темы, связанные с сексом ($p < 0,01$), реже посещают стриптиз-клубы ($p < 0,05$), реже, чем представители группы нормы, просматривают порнографические материалы ($p < 0,01$). Вероятно, подобные результаты можно объяснить внутренними конфликтами в восприятии темы сексуальности. В отличие от педофилов, чье влечение к детям является постоянным и во многом исключает нормативное влечение к взрослому объекту, представители данной группы совершили сексуальное преступление против ребенка, несмотря на то, что не испытывают постоянного влечения к детям. Влечение к ребенку, вероятно, было ситуативным и определялось большей доступностью сексуального объекта. Конфликтность восприятия сексуальной сферы, а также особенности восприятия судебно-следственной ситуации и желание выглядеть более социально положительным, вероятно, заставляет преступников без педофилии показывать низкий уровень вовлеченности в сексуальные переживания.

Полученные результаты подтверждают значимость фактора когнитивных искажений в сфере сексуальности при оценке рисков совершения сексуальных преступлений. Клинический аспект исследования позволяет в дальнейшем использовать методику SONAR как дополнительный инструмент в дифференциальной диагностике педофилии. Результаты также свидетельствуют о широкой распространенности в обществе стереотипов, связанных с минимизацией ответственности мужчины за совершенное сексуальное насилие по отношению к женщине. Статья открывает дискуссию о возможностях профилактики мужского агрессивного сексуального поведения через просветительскую деятельность в вопросах гендера и сексуальности.

Литература

1. Александров А.А. Интегративная психотерапия. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 318 с.
3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гутник А.Д. и др. Особенности социальных представлений о сексуальном насилии: «Маньяк» и «Жертва» глазами молодых мужчин и женщин [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2046.phtml> (дата обращения: 03.04.2014).
4. Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2891.phtml> (дата обращения: 03.04.2014).
5. Кон И.С. Сексология. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 384 с.
6. Серов А.Д., Сыроквашина К.В. Когнитивные искажения как фактор, используемый при оценке риска противоправного сексуального поведения по отношению к несовершеннолетним [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2057.phtml> (дата обращения: 26.03.2014).
7. Серов А.Д., Сыроквашина К.В., Басинская И.А. Установки по отношению к жертве у сексуальных правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40911.shtml> (дата обращения: 26.03.2014).
8. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. М.: Триада- X, 1999. 460 с.
9. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. 560 с.
10. Auburn T. Cognitive distortions as social practices: an examination of cognitive distortions in sex offender treatment from a discursive psychology perspective // Psychology, Crime, Law. 2010. Vol. 16. P. 459–466.
11. Bem S. Sex role adaptability: one consequence of psychological androgyny // Journal of Pers. and Soc. Psychology. 1975. Vol. 31. P. 634–643.
12. Burn M.F., Brown S. A review of the cognitive distortions in child sex offenders: An examination of the motivations and mechanisms that underlie the justification for abuse // Aggression and Violent Behavior. 2006. № 11. P. 225–236.
13. Graig L.A., Brown K.D., Beech A.R. Assessing Risk in Sex Offenders: A Practitioner's Guide. Birmingham: John Wiley and Sons, 2008. 270 p.
14. Hanson K., Harris A. The Sex Offender Need Assessment Rating (SONAR): A Method for Measuring Change in Risk Levels, Correction Research. 2000 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/sx-ffndr-nd/sx-ffndr-nd-eng.pdf> (accessed 26.03.2014).
15. Hocket J.M. An Umbrella of Dominance? An Examination of Oppressive Beliefs in the Context of Rape. Kansas State University. 2009 [Электронный ресурс] // URL: <https://krex.k-state.edu/dspace/handle/2097/1644> (accessed 26.03.2014).
16. Lonsway K.A., Fitzgerald L.F. Rape myths // Psychology of Women Quarterly. 1994. № 18. P. 133–164.
17. Murphy W.D. Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders // Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender. N.Y.: Plenum Press, 1990. 405 p.
18. Pervan S., Hunter M. Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders // Applied Psychology in Criminal Justice. 2007. № 3. P. 75–91.

Evaluation of Cognitive Sexual Distortions in Persons Who have Committed Sex Crimes Against Minors

Serov A.D.,

Postgraduate Student, Chair of Legal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, serov-up@narod.ru

We provide a definition of the concept of "cognitive distortions in the sexual sphere," reveal the relevance of the study of these distortions in the context of sexual offenses against minors. We briefly review the literature of research on the subject. We describe a research, the aim of which was to study a group of individuals who have committed sexual crimes against minors: how homogeneous is the sample in terms of the severity of the distortion. The group was divided into two subgroups: those who have been diagnosed with pedophilia, and those without pedophilia. The norm group also included persons who has never been prosecuted. To assess cognitive distortions in the sexual sphere we used SONAR method (The Sex Offender Need Assessment Rating). The obtained results confirm the importance of the factor of cognitive biases in the field of sexuality in the assessment of sexual crimes risk, as well as in the differential diagnosis of pedophilia.

Keywords: cognitive distortions, personality of the sexual offender, pedophilia, sexual deviation, sexual offenses.

References

1. Aleksandrov A.A. Integrativnaya psikhoterapiya [Integrative Psychotherapy]. St. Petersburg: Piter, 2009. 352 p.
2. Bern Sh. Gendernaya psikhologiya [Gender Psychology]. Moscow: OLMA-PRESS, 2002. 318 p.
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gutnik A.D., Rikel' A.M. Osobennosti sotsial'nykh predstavlenii o seksual'nom nasilii: "Man'yak" i "Zhertva" glazami molodykh muzhchin i zhenshchin [Elektronnyi resurs] [Social Representations of Sexual Abuse: Maniac and Victim through the Eyes of Young Men and Women]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2011, no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2046.phtml> (Accessed 03.04.2014).
4. Enikolopov S.N., Khvostova E.S. Vzglyady na intsest v kontekste raznykh kul'tur i traditsii. Sovremennoe sostoyanie problemy [Elektronnyi resurs] [Perceptions of incest in the context of different cultures and traditions. Modern state of the problem]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2012, no. 2. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2012/2/2891.phtml> (Accessed 03.04.2014).
5. Kon I.S. Seksologiya [Sexology]. Moscow: Akademiia, 2004. 384 p.
6. Serov A.D., Syrokvashina K.V. Kognitivnye iskazheniya kak faktor, ispol'zuemyi pri otsenke riska protivopravnogo seksual'nogo povedeniya po otnosheniyu k nesovershennoletnim [Cognitive Distortions as a Factor Used in Assessing the Risk of Unlawful Sexual Conduct towards Minors]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2011, no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2057.phtml> (Accessed 26.03.2014).
7. Serov A.D., Syrokvashina K.V., Basinskaya I.A. Ustanovki po otnosheniyu k zhertve u seksual'nykh pravonarushitelei [Elektronnyi resurs] [Sexual Offenders' Settings Towards a Victim]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2011, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40911.shtml> (Accessed 26.03.2014).
8. Tkachenko A.A. Seksual'nye izvrashcheniya – parafilii [Sexual perversions - paraphilias]. Moscow: Triada- Kh, 1999. 460 p.

9. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. *Sudebnaya seksologiya* [Forensic sexology]. Moscow: Meditsina, 2001. 560 p.

10. Auburn T. Cognitive Distortions as Social Practices: an Examination of Cognitive Distortions in Sex Offender Treatment from a Discursive Psychology Perspective. *Psychology, Crime & Law*, 2010. Vol. 16, pp. 459–466.

11. Bem S. Sex role adaptability: one consequence of psychological androgyny. *Journal of Pers. and Soc. Psychology*, 1975. Vol. 31, pp. 634–643.

12. Burn May F., Brown S. A review of the cognitive distortions in child sex offenders: An examination of the motivations and mechanisms that underlie the justification for abuse. *Aggression and Violent Behavior*, 2006, no. 11, pp. 225–236.

13. Graig Leam A., Brown Kevin D., Beech Anthony R. *Assessing Risk in Sex Offenders: A Practitioner's Guide*. Birmingham: John Wiley & Sons. 2008. 270 p.

14. Hanson K., Harris A. The Sex Offender Need Assessment Rating (SONAR): A Method for Measuring Change in Risk Levels, correction research, 2000. Available at: <http://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/sx-ffndr-nd/sx-ffndr-nd-eng.pdf> (Accessed 26.03.2014).

15. Hocket Jericho M. An Umbrella of Dominance? An Examination of Oppressive Beliefs in the Context of Rape. Kansas State University, 2009. Available at: <https://krex.k-state.edu/dspace/handle/2097/1644> (Accessed 26.03.2014).

16. Lonsway K.A., Fitzgerald L.F. Rape myths. *Psychology of Women Quarterly*, 1994, no. 18, pp. 133–164.

17. Murphy W.D. Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders. *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender*. N.Y.: Plenum Press. 1990. 405 p.

18. Pervan S., Hunter M. Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders. *Applied Psychology in Criminal Justice*, 2007, no. 3, pp. 75–91.